

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

Андрей Константинов

АДВОКАТ

**Коллекция
мировой
литературы**

Бандитский Петербург

Андрей Константинов

Адвокат

«Издательство АСТ»

1994

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Константинов А. Д.

Адвокат / А. Д. Константинов — «Издательство АСТ»,
1994 — (Бандитский Петербург)

ISBN 978-5-271-21602-2

Судьба надолго разлучила Сергея Челищева со школьными друзьями — Олегом и Катей. Они не могли и предположить, какие обстоятельства снова сведут их вместе. Теперь Олег — главарь преступной группировки, Катерина — его жена и помощница, Сергей — адвокат. Но, встретившись с друзьями детства, Челищев начинает подозревать, что они причастны к недавнему убийству его родителей...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-271-21602-2

© Константинов А. Д., 1994
© Издательство АСТ, 1994

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть I	8
Часть II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Константинов

Адвокат

© А. Константинов, 2008

© ООО «Астрель-СПб», 2008

* * *

От автора

История создания романа «Адвокат» необычна. Я, собственно, не собирался писать художественное произведение. Но в конце 1993 года пришел ко мне в редакцию известный режиссер Валерий Огородников, который неожиданно буквально потребовал, чтобы я написал для него сценарий фильма-драмы о жизни современных бандитов. Я долго отнекивался, но Валерий оказался настойчивым человеком с хваткой бульдога. Сценарии я писать не умею, поэтому у меня стало выходить из-под пера что-то вроде романа... На самом деле, видимо, у меня в душе давно зрело желание реализовать хотя бы частично ту оперативную информацию, которую я приобрел в ходе различных журналистских расследований и использовать которую в публицистике не было возможности по вполне понятным причинам: ходить по судам не хотелось. А соблазн был велик... Поэтому я стал писать художественную прозу. В работе над «Адвокатом» мне оказал неоценимую помощь уникальный человек, ставший живой легендой как для правоохранительных органов Петербурга, так и для криминальных кругов. По ряду причин этот человек выбрал себе псевдоним Сафронов. Без постоянных и детальных консультаций с ним книга вряд ли была бы написана.

В «Адвокате», наверное, многие увидят узнаваемых персонажей, знакомые комбинации...

Есть в этой книге и кусочки моей биографии, и биографии близких мне людей. И все-таки прошу не забывать, что это – художественное произведение, где все образы – собирательные, события – вымышленные, а изложенная фактура не может быть использована в суде.

Я благодарен всем экспертам, помогавшим мне в работе над «Адвокатом». Я помню всех – и живых, и мертвых, и тех, кто сегодня продолжает занимать свои посты, и тех, кто оказался в зоне. Не буду никого называть отдельно, но я никого и ничего не забыл.

Очень хочется верить, что наша работа найдет своего читателя.

А. Константинов

Июнь 1995 года

Пролог

На Смоленском кладбище, что на Васильевском острове Петербурга, который в описываемое время назывался еще Ленинградом, было тихо и сумрачно. На упавшей могильной стеле с полустертой дореволюционной надписью сидели два парня в костюмах и при галстуках. Между ними стояли бутылка «Русской», уже ополовиненная, украденный из автомата с газированной водой граненый стакан, открытая бутылка «пепси-колы» и развернутый плавленый сырок «Дружба».

– Ну что, Серега, – сказал светло-русый, набулькивая водкой стакан до половины, – помянем рабу Божью Катерину...

– Перестань, – черноголовый говорил запинаясь, через силу выдавливая сквозь зубы слова. – Нельзя так о живом человеке... Нельзя, Олежка... В конце концов, она...

– Нашла себе конец, – с горечью перебил его Олег и выпил водку одним махом. Запив ее «пепси», он налил стакан Сергею. Тот взял его и, повертев, подождав немного, сказал без улыбки, с какой-то болью и усталостью в голосе:

– Дай Бог ей всего... Да и нам тоже.

И выпил, не морщась.

Они молча посидели, подождали, пока водка «дойдет», потом закурили «Родопи», которые Сергей вытащил из кармана пиджака.

– А для меня она все равно что умерла, – сказал Олег, докуривая сигарету до фильтра и отшвыривая окурок вглубь, к заброшенным могилам.

Сергей молчал, уткнув лицо в подтянутые к груди колени.

– Дело не в том, что она решила выйти замуж, – продолжал Олег. – Дело в другом, я просто сформулировать это не могу...

– Хватит, Олег, – перебил его Сергей, вставая. – Лучше баб могут быть только бабы... Пошли в общагу. К «психологиням». Заодно и нажремся в приличных условиях...

Они пошли через могилы к краю кладбища, чтобы напрямую выскочить к «восьмерке» – общежитию номер восемь университета, где на пятом этаже жили «психи» (студенты и студентки психфака). Однако на самом краю Смоленки они наткнулись на огромный котлован, которого еще совсем недавно не было. Из дна котлована торчали вверх прутья толстой арматуры, словно колья в «волчьей яме».

– Ни хрена себе, – сказал Сергей и вдруг неожиданно для Олега прыгнул через яму.

Прыжок был неудачным: его толчковая нога поскользнулась в грязи, и Сергей, потеряв равновесие, приземлился на самый край котлована. Отчаянно взмахивая руками, Сергей падал спиной на арматуру, но Олег молча бросился вперед и толкнул Сергея в спину, отшвырнув его от края, а сам упал грудью на край ямы и начал сползать вниз. Сергей развернулся и схватил Олега за руку. Сопя и матерясь, они возились в грязи на краю котлована, пока наконец Сергей не вытащил Олега наверх.

– Да... Сходили на «блядки», – сказал Сергей, осматривая вываленные в грязи костюмы. – Дома скандал будет. – Они сели прямо на землю и закурили.

– Знаешь, Серега, – сказал Олег, держа сигарету в подрагивающих пальцах, – я ухожу с факультета...

Часть I

Следователь

...Челищев мучительно выплывал из сна. Со временем он научился чувствовать приближение опасности или беды. Эти ощущения, как правило, приходили к нему ночью, и, проснувшись, он, словно зверь, чующий надвигающийся лесной пожар, становился напряженным и нервным. Иногда предчувствия не сбывались, но Сергей знал, что беда была где-то рядом, просто по капризу судьбы она прошла стороной, выбрав себе другую жертву.

– Ты что, Челищев?! – Над Сергеем склонилось женское лицо. Челищев несколько секунд смотрел, не узнавая, а потом облегченно вздохнул. Лицо принадлежало секретарше прокурора города Юлечке Ворониной. Голые ноги, грудь и все остальное – тоже.

«Ой, мама, – подумал Челищев, закрывая глаза, – вот это я выдал!» Минувшим вечером в прокуратуре состоялся небольшой сабантуйчик по поводу присвоения Сергею очередного специального звания. Пили прямо в маленьком кабинете Челищева, пили много и тяжело, как это принято у «следаков». В какой-то момент появилась Воронина в короткой юбке. Сергей старался не смотреть на Юлины коленки, потому что в прокуратуре поговаривали, что, кроме обязанностей секретарши, Юля выполняет при прокуроре города Прохоренко еще кое-какие обязанности – но уже не в служебное время...

Но коленки у нее были очень уж круглые, к тому же Воронина умудрялась вертеться в тесном кабинетике так, что постоянно задевала Сергея то грудью, то бедром, то еще чем-то, и в конце концов довела Челищева до такого состояния, что еще немного – и он поволок бы ее трахать в темный угол какого-нибудь коридора...

Финал «банкета» Сергей помнил смутно, видимо, выпитая водка вызвала у него какой-то провал в памяти. Очнулся он уже в такси, на заднем сиденье, где настойчиво шарил рукой у Юли под юбкой, а она, делая вид, что ничего не происходит, прерывающимся голосом объясняла дорогу невозмутимому пожилому «мастеру»...

Сергей и сам не очень понимал, что с ним происходило, наверное, виной всему было четырехмесячное воздержание – итог мучительного развода с Натальей, после которого на женщин вообще смотреть не мог, потому что сразу же начинал вспоминать скандалы, слезы, суд...

И вот – прорвало! Он начал расстегивать юбку на Ворониной еще в лифте и практически раздел ее у двери квартиры, которую она лихорадочно пыталась открыть, постанывая и выгибаясь всем телом...

Ввалившись в квартиру, они даже не успели включить свет. Сергей овладел Ворониной прямо в коридоре, как-то по-звериному рыча, чего он раньше, кстати, никогда за собой не замечал.

– Ой, миленький, Сережа, что же ты делаешь со мной, – стонала Юля, глядя его по спине...

Потом она убежала в душ, а Челищев принялся осматриваться в квартире. Интересно, как это могла молодая девчонка получить такую приличную хату? Ответ на этот вопрос пришел сам собой, когда Сергей обнаружил на письменном столе дорогой серебряный портсигар с выгравированной надписью: *«Прокурору Ленинграда Николаю Степановичу Прохоренко в день пятидесятилетия от коллег с любовью и уважением»*. Челищев хмыкнул и положил портсигар на место, вытянув из него сигарету. В груди у него возник легкий холодок, но тут Юля, приоткрыв дверь ванной, крикнула:

– Сережа, иди сюда, помоги мне...

Челищев, стягивая с себя китель, направился в ванную, напевая песню из «Неуловимых мстителей»: «Вы нам только шепните, мы на помощь придем...»

Потом было шампанское и краткий практический обзор «Камасутры», который Воронина мастерски устроила для Челищева. Впрочем, Сергей не был уверен, что Юля даже слышала о «Камасутре», но возможное отсутствие теоретической подготовки никак не сказывалось на Юлиной практике...

А потом они уснули, и сон, сначала легкий и приятный, вдруг превратился в полузабытый кошмар котлована с прутьями арматуры, готовыми пробить спину...

– Ты что, Челищев?! – вскрикнула Воронина, с испугом глядя на Сергея. – Ты так жутко стонал. Приснилось что-то? Иди ко мне, я тебя пожалею, успокою...

Сергей не противился Юлиным рукам, но вчерашнего возбуждения уже не было, и вскоре они задремали, обнявшись. Сергей хотел, засыпая, сказать Ворониной что-то нежное, но язык не повернулся, потому что именно в этот момент вспомнился вдруг серебряный портсигар с выгравированной надписью...

Телефонный звонок отшвырнул их друг от друга, как нашкодивших школьников. Юля торопливо перелезла через Сергея и побежала к вишневого цвета кнопчному аппарату в прихожей (Челищев мог поклясться, что такие аппараты в магазинах города никогда не продавались. По крайней мере – в обычных магазинах).

– Да, слушаю... Да, я... А сколько времени?.. Полдесятого?! – доносился из прихожей громкий Юлин голос. – У меня будильник остановился, наверное, батарейки сели... А я откуда знаю, где он?! Не знаю, Ярослав Сергеевич, ваши намеки как-то не доходят... Он подвез меня на такси и уехал... Шеф требует?! Срочно?! Но где же я его?.. – На другом конце провода, видимо, повесили трубку.

Юля растерянно выглянула из прихожей:

– Ничего от дорогих коллег не скроешь. Тебя ищут, Сережа. Шеф вызывает, срочно. Я сказала, что ты меня только на такси подвез. Это Никодимов звонил.

Она виновато взглянула на Сергея и зачем-то пояснила:

– Первый зам Прохоренко.

– Я знаю, чей Никодимов зам, – буркнул Сергей, путаясь в брюках. – Настучали уже...

Ярослав Сергеевич Никодимов, первый заместитель прокурора города, был большим борцом за нравственность и дисциплину сотрудников. С этой целью он еще в застойные годы создал в прокуратуре целую сеть информаторов о настроениях в умах и поступках и ломал карьеры провинившихся спокойно и методично. Правда, в последнее время, когда из прокуратуры люди стали бежать на «частные хлеба», Никодимов несколько поутих, потому что некомплект сотрудников и так уже превысил все допустимые нормы. Однако Ярослав Сергеевич убежденно полагал, что все еще «устаканится» и вернется на круги своя, потому что без прокуратуры не обойдутся «ни красные, ни белые, ни зеленые, ни полосатые». А потому Никодимов собирал «компру» на подчиненных впрок, до поры до времени. Впрочем, поговаривали, что «компру» он собирал не только на подчиненных.

– Ты-то как? – стоя в дверях, Челищев обернулся к Юле, но она махнула рукой – мол, как-нибудь. Сергей застучал каблуками вниз по лестнице.

– Кобель! – полужло, полунежно выдохнула Воронина, закрывая дверь квартиры и приваливаясь к ней спиной. Потом она прошла в комнату и достала из шкафа маленький портрет Прохоренко в парадной прокурорской форме. Выйдя на кухню, она взяла тряпку и, смачно плюнув Прохоренко в рожу, стала тщательно протирать стекло.

В прокуратуре Челищев первым делом заглянул к себе в кабинет – он сиял чистотой, если слово «сиял» вообще можно было применить к маленькой каморке типа поставленного на боковую грань школьного пенала, незначительно увеличенного в размерах.

– Молодец, баба Дуся, – пробормотал Сергей.

Баба Дуся была старенькой уборщицей и работала в прокуратуре с незапамятных времен. Про нее ходили странные легенды, что когда-то она была вовсе не уборщицей, а занимала совсем другую клетку в шахматном раскладе этого угрюмого учреждения. Баба Дуся много чего знала, но делилась своими знаниями крайне редко, под настроение, которое у нее обычно было угрюмым. Но иногда, выпив рюмку со «следаками», она вдруг рассказывала кое-что из давно забытых времен, причем речь ее вдруг делалась грамотной и ироничной. У нее были на этаже свои любимцы, у которых она убирала тщательно и до начала рабочего дня. К тем же, кого баба Дуся не жаловала, она имела привычку вваливаться с ведром и тряпкой прямо во время допроса, сбивая всю выстроенную нелюбимым следователем психологическую атмосферу «раскалывания» допрашиваемого. К Сергею, впрочем, она всегда относилась с теплой суровостью старой одинокой женщины, и еще ни разу Сергей не находил в своем кабинете по утрам следов вечерних пьянок, которые в последнее время случались все чаще.

«Молодец, баба Дуся», – повторил про себя Челищев, выплюнул комок мятной жвачки в мусорную корзину и, пригладив волосы, направился к прокурору.

Николая Степановича Прохоренко в прокуратуре не любили и за глаза называли обидной кличкой Козьявочник. Кличка эта очень не соответствовала лощеной фигуре прокурора, а возникла с легкой руки все той же бабы Дуси, которая однажды раскрыла Челищеву и его приятелю Андрею Румянцеву, пригласивших ее на рюмочку, страшную прокурорскую тайну. Оказывается, сидя в одиночестве в своем прокурорском кабинете, Николай Степанович имел привычку ковыряться в носу, а потом вытирал козявки, добытые из носа, о нижнюю поверхность своего рабочего стола. «У него там скоро сталактиты настоящие нарастут», – угрюмо рассказывала баба Дуся Челищеву и Румянцеву, которые хохотали так самозабвенно, что даже не обратили внимания на тот любопытный и странный факт, что уборщица баба Дуся, оказывается, знает слово «сталактиты»...

Прохоренко не любили, скорее всего, потому, что был он не «свой», а присланный в Петербург из Воронежа – очевидно, «на усиление». Естественно, затормозившаяся цепная реакция карьерного продвижения не оставила равнодушными многих сотрудников.

Впрочем, с замами Прохоренко нашел общий язык как-то очень быстро и сидел в своем кресле прочно, обстоятельно и, судя по всему, собирался просидеть еще долго. Сергею казалось, что лично его Прохоренко недолюбливает, но это было не более чем ощущение на энергетическом уровне, потому что никаких конкретных проявлений предвзятости прокурора не было.

Более того, год назад Николай Степанович снял без скандалов и объяснительных два мокрых глухаря¹, которые безнадежными булыжниками висели у Челищева на шее.

Однако сегодня рассчитывать на приятный разговор с Прохоренко явно не приходилось. Ну в самом деле, какой начальник погладит по голове за то, что после устроенной на рабочем месте пьянки подчиненный еще и трахнул его секретаршу? Идя по коридору, Сергей улыбнулся, вспомнив, как один его знакомый журналист рассказывал, что однажды переспал с секретаршей главного редактора крупнейшей городской газеты, и главный, вызвав его на «ковер», долго драл за разные мелкие и крупные провинности, а в конце разговора повернулся к журналисту спиной и, глядя в окно на Фонтанку, угрюмо буркнул самое важное: «Да, вот еще... Вику не трогай. Это – святое...»

Все еще со следами улыбки на губах Челищев пересек пустовавшую приемную, хранившую легкий аромат Юлиных духов, и, одернув несколько раз китель, глубоко вдохнув и выдохнув, постучал в обитую коричневой кожей дверь.

– Разрешите?.. – Сергей полузашел в кабинет, вопросительно глядя на Прохоренко.

¹ Мокрый глухарь – нераскрытое дело об убийстве (жарг.).

– Да, Сергей Александрович, заходите. – Прохоренко неторопливо вышел из-за стола и пошел навстречу Сергею, протягивая руку для пожатия.

«Ни хрена себе! – подумал Сергей, ошеломленно пожимая пухлую, но сильную ладонь прокурора с какой-то полустертой татуировкой на запястье. – Ишь ты! По имени да по отчеству, Сергей, мол, Александрович! Еще и ручку пожаловали... Не иначе, сейчас какое-нибудь говно вывалит».

– Садитесь, Сергей Александрович, – Прохоренко показал рукой на стулья, стоящие вокруг стола для рабочих совещаний. Сергей сел и молча уставился на прокурора.

– У меня к вам, Сергей Александрович, неприятный разговор, – сказал Прохоренко, расхаживая по кабинету.

Сергей слабо пошевелился на стуле, но прокурор жестом руки остановил его движение.

– Это касается ваших родителей. Ваш отец Александр Владимирович Челищев был директором деревообрабатывающего комбината?

– Да, – у Сергея почему-то пересохло в горле, и он с усилием сглотнул. – Почему – был? Он и есть... Я, правда, вижу с родителями не очень часто...

Прохоренко остановился у своего стола и взял с него бумажку. Посмотрев на Сергея как-то странно, он сказал:

– Вот, по утренней сводке... Мужайтесь, Сергей Александрович. Сегодня в восемь пятнадцать ваши родители были обнаружены в собственной квартире с признаками насильственной смерти... Предположительно – разбой...

Голос прокурора доносился до Сергея через звон, который шел в голову от бешеных ударов сердца.

– И... маму? – Челищева трясло на стуле.

Прохоренко опустил взгляд и начал складывать бумагу, тщательно разглаживая сгибы.

– Держитесь, Сергей Александрович... Сегодня среда. Полагаю, три дня отпуска вам просто необходимы... Мы, конечно, окажем всю возможную помощь... Сейчас поезжайте домой... В смысле – к родителям, – прокурор запнулся, как будто сказал какую-то неловкость. – Адрес, я полагаю, вы помните... Вторая Советская... – Прохоренко не договорил, помолчал и добавил: – Внизу можете взять мою машину, скажите Николаю, что я разрешил... Да он, в общем-то, в курсе. Поезжайте, заодно сразу с опознанием поможете... Ну и похищенное установите... В общем, что мне вас учить... Там сейчас Свиридова работает с бригадой... Езжайте. И держитесь! А мы – все, что сможем...

Челищев молча вышел из кабинета, выдавив из себя что-то вроде странно прозвучавшего в этот момент «спасибо».

После ухода Челищева Прохоренко, вздохнув, открыл сейф, достал оттуда бутылку армянского коньяку фирменного ереванского зеленоватого стекла и налил в рюмку, извлеченную из сейфовых же недр. Медленно выпив, он выдохнул сквозь зубы, помассировал руками виски и убрал бутылку с рюмкой обратно в сейф.

Затем Николай Степанович уселся за свой стол и, засунув мизинец левой руки в правую ноздрю, глубокомысленно уставился в лежавшие перед ним бумаги...

Дорогу до дома Челищев помнил смутно.

Николай, водитель Прохоренко, что-то ему говорил, Сергей кивал, беспрестанно затягиваясь сигаретой...

У подъезда стояли служебные машины, а обычно сидевших на лавочке старушек не было.

Сергей поднялся по знакомой с детства лестнице, и на последнем пролете у него вдруг закололо сердце. У дверей квартиры его родителей, квартиры, которую он всего несколько лет назад перестал считать своим домом, стоял постовой, шагнувший Челищеву навстречу. Сергей машинально сунул ему служебное удостоверение и вошел...

В каждой квартире есть свой особенный запах, который не меняется годами. Этот запах иногда остается единственным сохранившимся напоминанием детства, и каждый раз, приходя к родителям, Челищев с наслаждением вдыхал его, уплывая на мгновение в прошлое...

Но сегодня его встретили чужие запахи, и именно в этот момент Сергей до конца осознал, что ничего уже не поправишь и не вернешь... В прихожей пахло свежей кровью, какими-то лекарствами и специфическим запахом казармы, который распространялся, судя по всему, от шаставшего по квартире немолодого старшего лейтенанта милиции. Он, похоже, был участковым. Старший лейтенант непрерывно вертел головой, цокал языком и, вздыхая, приговаривал:

– Вот люди живут, а...

Вообще народу в квартире было полно. Что-то писала на журнальном столике дежурный следователь, с которой Челищев был смутно знаком, деловито работал кисточкой замухрышистого вида эксперт-криминалист, у которого на лице было явственно написано неудовольствие от затянувшегося дежурства, бестолково бродил по квартире фотограф...

В квартире действительно было на что посмотреть. Мебель ручной работы из карельской березы, картины, хрустальные люстры, моющиеся обои, тяжелые красные с золотом шторы... Квартира всегда была маминым «заповедником». Она буквально вылизывала ее до нежилой музейной чистоты. И сейчас отдельные сохранившиеся оазисы этой чистоты дико и страшно контрастировали с пятнами подсыхающей крови на стенах и полу в прихожей, на смятом постельном белье в спальне...

Работавшая в квартире бригада выбрала себе в качестве пепельницы большую глубокую тарелку из старого кухонного сервиза, сохранившегося только наполовину. Когда-то именно в эту тарелку мать наливала Сергею суп, а сейчас в ней валялись смятые разномастные окурки, которые полностью заглушили витавший когда-то в квартире легкий аромат дорогого трубочного голландского табака...

В принципе, нельзя было сказать, что дежурная бригада вела себя как-то особенно нагло, по-хамски... Люди вели себя обычно, и Сергей много раз вел себя точно так же в других квартирах, осматривая место происшествия. В этом, наверное, и было дело: для работавшей бригады квартира была местом происшествия, а для Сергея – местом беды. И нельзя было винить ребят за то, что они отгораживаются, закрываются от чужого горя – если каждый раз пускать его в душу, можно очень быстро сойти с ума... Все это Челищев понимал рассудком, но все равно чувствовал раздражение и злость на чужих людей, равнодушно фиксирующих следы оборванных жизней...

«Это же мои папа и мама, как вы можете так казенно...» – хотелось закричать, завывать Челищеву. Но он молчал.

Участковый, разглядывая корешки старинных книг, в очередной раз вздохнул:

– Живут же люди...

Вышедший из кухни хорошо знакомый Челищеву Гоша Субботин, старший опер «убойного отдела» главка, неприязненно посмотрел на старшего лейтенанта и резко сказал:

– Уже не живут. Хватит тебе охать... Ты соседей опросил?

– Нет еще, я вот только что...

– Ну вот и иди опрашивай, а то охаешь тут. Иди, работай!

Участковый с явной неохотой вышел, продолжая крутить головой и вздыхать до самой двери.

Субботин подошел к Челищеву, застывшему у серванта, и положил руку ему на плечо.

– Здорово, Серега... Держись. Я все понимаю, тут ничем не утетишь. Терпи...

Сергей потянул его за рукав в свою комнату. В ней мало что изменилось, все вещи были на своих местах...

Челищев достал из потайного бара бутылку водки, фужеры и банку «фанты». Сев на кровать, налил себе почти до краев, выпил как воду и запил глотком «фанты».

– Будешь? – Челищев качнул бутылку в направлении Гоши.

Тот неопределенно пожал плечами – мол, я на службе, но... Челищев налил ему столько же, сколько себе. Субботин выпил водку тяжело, видно, с утра она не шла...

– Как все случилось?

Субботин жадно глотал «фанту» и в перерывах между глотками начал рассказывать:

– Видимо, позвонили в дверь... Убитый... Ну, отец твой, пошел открывать... Он, похоже, брился, щека одна в мыле осталась. Ну его первого, похоже, ножом, снизу.

– А... маму?

– В спальне... Горло сзади перерезали...

Субботин вздохнул и добавил:

– Хорошо, что ты их уже не застал, минут за десять до тебя в морг увезли. Незачем на родителей в таком виде смотреть.

Челищев молчал, проклиная водку, которая только жгла желудок и никак не могла разжать сдавивших сердце тисков...

– Серега, – сказал Субботин, вставая, – я все понимаю... Но ты соберись, походи по квартире, посмотри, что пропало... Мы бы сразу в ориентировку включили. Ну, ты сам знаешь-понимаешь. Давай, Серега... – И Субботин вышел из комнаты, деликатно прикрыв дверь...

Сергей тупо смотрел перед собой, пока взгляд его не сфокусировался на цветной фотографии в рамке, висевшей на стене напротив дивана.

На фотографии были запечатлены – он, Олег Званцев и Катя Шмелева, Катенька... Она стояла в центре, а Сергей и Олег по бокам – она обнимала их за плечи, а ребята придерживали ее за талию. И все трое были в стройотрядовских куртках, с довольными, смеющимися лицами. Эту фотографию сделал Александр Владимирович Челищев десять лет назад, когда их стройотряд «Фемида» вернулся в Ленинград из-под Выборга, где они строили какой-то комбинат...

Они втроем тогда завалились к Сергею домой, и Марина Ильинична, Сережина мама, устроила им торжественную встречу – как героям трудового фронта...

Десять лет назад... Челищеву казалось, что это было только вчера...

С Олегом они знали друг друга всю жизнь – с первого класса. И дома их стояли рядом, и Сергей даже зимой бегал к Олежке в гости, не надевая пальто, за что его всегда ругала мать. У Сергея они собирались очень редко, потому что на ребяташек давили чистота и порядок квартиры Челищевых.

В ней было страшно играть, потому что можно было что-то разбить, испачкать или просто сдвинуть с места, а за это Марина Ильинична обязательно отругала бы Сергея. А то и отец мог под настроение подключиться и шлепнуть отпрыска тяжелой, грубой ладонью. Александр Владимирович был тогда начальником цеха деревообрабатывающего комбината и любил приговаривать: «Мы, пролетарии, народ грубый, без нежностей», – и всегда при этом иронично улыбался, потому что на самом деле рабочих он не любил, хоть и легко ладил с ними. А потому собирались они всегда у Олежки, в его трехкомнатной квартире, где он жил вдвоем с бабушкой. Когда-то в этой же квартире жили и родители Олега, но они погибли в геологической экспедиции на Енисее, когда Олегу было три года, и он почти их не помнил. Отец Олега был геофизиком, и они нашли тогда на Енисее что-то очень важное для страны, потому что посмертно отца Олега наградили орденом Ленина, а мать – орденом Трудового Красного Знамени, и ордена эти Олежка часто доставал из старого письменного стола, они с Сергеем подолгу их рассматривали и даже осторожно примеряли...

В квартире у Олега всегда был уютный беспорядок, а его бабушка Серафима Ивановна никогда не ругала ребят за то, что они слишком громко кричали или прыгали со шкафа на диван, играя в индейцев... А еще Серафима Ивановна умела жарить чудесную картошку, которую мальчишки называли «жареная на водичке», потому что на сковородке всегда оставалось много растопившегося сала...

Сергей и Олег совсем не походили друг на друга характерами и часто ссорились, правда, всегда мирились. Рекорд продолжительности их размолвки был в шестом классе, когда они, разругавшись из-за кинофильма «Зорро», не разговаривали целую четверть. Результатом этой размолвки стало то, что они начали заниматься разными видами спорта: Сергей тогда попал в ДЮСШ² в секцию дзюдо, а Олег почему-то выбрал волейбол. И как потом ни манил один другого перейти к себе, ни Олег, ни Сергей не решились оставить свои маленькие сборные. Видеться они после уроков, естественно, могли теперь реже, потому что тренировки отнимали много времени, но, как ни странно, дружить стали крепче... А Катя Шмелева появилась в их жизни только в девятом классе. Ее родители развелись и разменяли квартиру, вот так и оказалась Катерина в их районе...

Она была необычной девчонкой – во-первых, потому, что была красивая. А может быть, даже и не красивая, а такая, ну... Ну для которой хотелось все делать и перед которой очень хотелось выглядеть клево. Так, чтобы она одобрила. И чтобы улыбнулась. Она занималась хореографией и танцевала в ансамбле «Юный ленинградец». Плюс ко всему она была совсем не дура, и над ее шуточками, бывало, хохотал весь класс... Она была такой девчонкой, к которой страшно было подойти – страшно не из-за нее, а из-за того, что самому дураком выглядеть в ее глазах не хотелось...

А сблизилась окончательно их троица в десятом классе, когда Сергей и Олег страшно отлупили двух пэтэушников, приставших однажды вечером к Катерине, когда она возвращалась домой...

И Катя стала для ребят другом. Да, именно другом, ничего сексуального. По крайней мере, так уверяли тогда друг друга Олег и Сергей. Она была одновременно для них «прекрасной дамой» и «своим парнем», и им было хорошо вместе, и они чувствовали себя сильными...

А когда пришла пора думать о дальнейшей учебе, Сергей уговорил всю компанию идти на юридический факультет, о котором давно мечтал... Расставаться троице не хотелось, а Олегу и Кате было по большому счету все равно, куда поступать, потому что хотелось стать всеми сразу одновременно – и артистами, и сыщиками, и космонавтами, кстати, тоже...

Поступили они все довольно легко, потому что Сергей и Олег, ставшие уже к тому времени кандидатами в мастера спорта, шли по так называемому «спортнабору», а у Катиной мамы вроде был какой-то друг – большая шишка в КГБ...

В общем, они поступили. И первый год все было почти так же, как в школе. Изменения в их отношениях начались после первого стройотряда, на втором курсе. У ребят появился первый сексуальный опыт, который они приобрели с более старшими девицами с филологического факультета, который однозначно считался общеуниверситетским «блядюшником». Соответственно, другими глазами они стали смотреть и на Катерину. И друг на друга, потому что стали видеть друг в друге соперников. А Катя вроде бы стала как-то стесняться Олега и Сергея, начала капризничать и раздражаться, и как-то странно шутить, говоря что-то вроде: «Хороши дружки-приятели, всех ухажеров у бедной девушки пораспугали, а сами как собаки на сене». Казалось, она чего-то ждет от них или от одного из них, но Олег и Сергей только костенели и мрачнели в ее присутствии, да и без нее тоже что-то перестали клеиться у них разговоры... И видеться они стали после лекций совсем редко, бросая друг другу с искусственными улыбками: «Пока... Я на тренировку...» – «А я – в музей...» – «А у меня в библиотеке дела есть».

² ДЮСШ – детско-юношеская спортивная школа.

Но что-то зрело, и взрыв был неизбежен. Так и случилось. После того как они благополучно сдали последний экзамен за второй курс, Катя неожиданно объявила Олегу и Сергею, что выходит замуж. Да за кого! За генерального директора одного из самых крупных питерских заводов, за члена горкома партии, за сорокадвухлетнего старика (ведь сорок два – это старость для девятнадцатилетних мальчишек...)!

Катерина вываливала им эти подробности торопливо и с какой-то агрессивностью, когда они сидели на своем любимом месте, в сквере у Университетской набережной. Ребята молчали. Самым печальным в этой новости было то, что Катин муж должен был «уходить» в Москву – на повышение в министерство. Уезжала с ним и Катя, переводясь на юрфак МГУ...

– На свадьбу-то хоть пригласишь? – с какой-то брезгливой улыбкой спросил ее Олег.

– Да, мы бы молодого заценили, – поддержал его Сергей. Вроде и ничего особо обидного не сказали, а тоном, выражением лиц словно по щекам Катю отхлестали. Она, естественно, разревелась и, обзвав друзей сопляками, убежала... И словно тепло душевное с собой унесла. Пусто стало ребятам и плохо. Они пошли пить водку на Смоленское кладбище, и Сергей там чуть не свалился в котлован на прутья арматуры...

А осенью Олег ушел с факультета, как его Сергей ни отговаривал. На все уговоры Олег отвечал: «Не хочу. И не могу. Мне развеяться надо». Он, естественно, попал в армию, потому что сам пошел в военкомат...

После «учебки» Олег вместе со своим ДШБ³ попал в Афганистан. Письма Сергей получал редко, как, впрочем, и Серафима Ивановна, ставшая к этому времени совсем старенькой...

А в начале четвертого курса получила Серафима Ивановна похоронку на Олега, где помимо прочего, казенного, сообщалось, что «прах Званцева Олега Андреевича был предан земле на месте гибели в окрестностях города Джелалабада Демократической Республики Афганистан...»

Серафима Ивановна совсем сдала после этого известия.

Сергей заходил к ней несколько раз, но потом она, плача, попросила его не делать этого, не ходить, потому что, глядя на Сергея, вспоминала Серафима Ивановна Олега...

Как-то через год, уже после ее смерти, увидел Сергей, проходя мимо, свет в квартире Званцевых, прибежал домой, стал звонить по телефону, но, слушая длинные гудки в трубке, так и не дождался ответа...

...Сергей очнулся от воспоминаний, словно вынырнул из глубины темного озера. У него начала болеть голова, а сжатые кулаки подрагивали и стали влажными. Это давала о себе знать вегетососудистая дистония, неприятная спутница почти каждого «завязавшего» спортсмена...

Челищев вышел из своей комнаты и стал бродить по квартире, натываясь на членов бригады, сочувственно смотревших на него, как на тяжело заболевшего человека, помочь которому они не факт, что смогут...

Создавалось впечатление, что из квартиры ничего не пропало. Единственная вещь, которую Сергей не смог найти, – это двухкассетный «Филипс-турбо». Магнитофон обычно стоял на тумбочке у телевизора, и Александр Владимирович любил включать его по утрам – чтобы, как он говорил, поднять тонус перед работой... Может быть, «Филипс» сломался, и Челищев-старший просто отнес его в мастерскую? Но в ящике письменного стола отца, где хранились инструкции, схемы и технические описания всей аппаратуры, которая была в квартире, Сергей нашел техпаспорт магнитофона, стало быть, в ремонт его никто не сдавал. Челищев отдал паспорт Гоше Субботину. Тот кивнул, начал что-то записывать и механически спросил:

– Особые приметы у магнитофона были?

Сергей подумал и, пожав плечами, ответил:

³ ДШБ – десантно-штурмовой батальон.

– Корпус темно-красный, и внутри аккумуляторы всегда были, чтобы можно было в машину брать, за город... А так – обычный магнитофон...

Гоша кивнул и пошел к телефону.

Челищев продолжал осматривать квартиру, пытаясь отключиться от того, что это – его дом.

В прихожей внимание Сергея привлек охотничий карабин, гордость Челищева-старшего. Хотя и полагалось хранить такое оружие в специальном металлическом ящике, Александр Владимирович предпочитал вешать карабин на стену за кожаный ремень на два специальных крючка, которые он самолично посадил на дюбеля в стену прихожей. Сейчас карабин висел только на одном крюке, а второй был вырван из стенки и валялся на полу вместе с крошками цементной пыли.

Челищев позвал Субботина и кивнул головой на карабин.

– Обижает, старик, – невесело усмехнулся Гоша. – Уже отфиксировали. Похоже, отец твой пытался до него добраться, но не успел... У него вообще враги были? Угрозы какие-нибудь?..

Сергей неуверенно покачал головой.

– Да нет, какие там особые враги... Заклятых, я думаю, не было... Ну а то, что ссорился с кем-то, – наверняка бывало, он человек резкий, вспыльчивый. Был...

Сергей замолчал, чувствуя, как опять сжимает сердце и перебивает дыхание: «Господи, больно-то как... Папа, папочка, мама...»

Челищев достал сигарету и сел на диван в гостиной, стряхивая пепел в общую тарелку-пепельницу. Последние годы отношения между Челищевыми были довольно напряженными, они чаще ругались, чем говорили нормально, и сейчас Сергея жгла мысль, что помириться теперь уже не удастся никогда... А причины для ссор в семье Челищевых находились легко: политика, бизнес, телепередачи – все могло стать сначала предметом спора, а потом поводом для скандала... Ну а когда Сергей решил разводиться с Натальей – начался вообще кошмар. Челищевы-старшие любили Наталью, и по характеру она была ближе к ним, чем Сергей. Она всегда соглашалась с ними, была такая хозяйственная и домовитая и легко позволяла Марине Ильиничне помыкать собой... Она была удобная, хорошая сноха, «не хуже, чем у людей», и родители никак не могли взять в толк серьезность аргументов Сергея, что он просто не любит Наталью, что ему с ней скучно, и что поэтому он не видит смысла жить дальше вместе. Марина Ильинична, выслушивая все это, плакала, смотрела испуганно мокрыми от слез глазами на Сергея и причитала: «Как ты можешь так, ты ведь наш сын!», а Александр Владимирович начинал читать занудную лекцию на тему: «Семья – это святое», которую неизменно заканчивал обличениями Сергея в разврате и цинизме... После этих скандалов Сергей обычно уходил и напивался до блевоты с приятелями, святотатственно благодаря Бога за то, что не дал им с Натальей детей. Челищев понимал, что нельзя за такое благодарить Спасителя, но иметь ребенка от нелюбимой женщины – это представлялось ему просто кошмаром...

После развода с Натальей отпала необходимость снимать отдельную квартиру. Но окончательно вернуться к родителям Сергей так и не смог. Скитаясь по квартирам приятелей и любовниц, он ночевал дома дай Бог одну неделю из четырех...

Докуривая сигарету на диване в гостиной, Сергей вдруг вспомнил месячной давности разговор, начавшийся с возмущений отца работой милиции и вообще всех правоохранительных органов... Возмущение это было вызвано тем, что к Александру Владимировичу на работу пожаловали какие-то бандиты и пытались говорить с ним – с генеральным директором! – о ходе приватизации комбината... «Совсем обнаглели, шпана стриженная, прямо ко мне в кабинет вваливаются, пытаются со мной, с академиком, какие-то „вопросы решать“, понимаешь!»

С точки зрения Челищева, академиком Александр Владимирович был, мягко говоря, сомнительным. Нет, он на самом деле был действительным членом Петербургской инженерной академии, но ее члены избирались по какому-то странному номенклатурному признаку, причем наличие ученых степеней было всего лишь желательным, но не обязательным условием. В этой академии числились чуть ли не все руководство мэрии и разные другие большие городские начальники. Сергей неоднократно подсмеивался над этой академией, называл ее масонской ложей, чем вызывал жуткую обиду и отца, и, конечно, матери... Но в тот раз Сергей не стал подначивать родителя относительно его ученых степеней, а живо заинтересовался визитом бандитов к Александру Владимировичу. Однако на его расспросы и предложения «разобраться» отец среагировал довольно странно: «Ты в себе „разберись“ сначала, о семье подумай, а о нас – не надо, мы сами как-нибудь разберемся, без сопливых... Подумай лучше о том, что ты мать в могилу вгоняешь своими выходками...» – и пошел очередной семейный скандалчик, закончившийся, как обычно, хлопанием дверей и тяжелой пьянкой в мастерской у Игоря – скульптора, Сережиного одноклассника, с которым он познакомился семь лет назад, на пятом курсе юрфака...

Вспомнив тот разговор про бандитов и приватизацию, Челищев сбивчиво пересказал его Субботину, который выслушал его внимательно, но вяло:

– Да, это, конечно, интересно... Хотя сейчас чуть ли не на всех директоров бандиты «наезжают», но за этим, как правило, ничего не стоит – «на хапок» рассчитывают, вдруг кто-то испугается и согласится... Но проверить, конечно, не мешало бы. Ты позвони в ОРБ⁴. У тебя же там наверняка есть кто-нибудь. Может, у них что-нибудь да где-нибудь «подсветилось»...

В ОРБ у Сергея действительно были свои неплохие контакты, но звонить туда и начинать что-то выяснять сейчас просто не было сил... Нужно было обзванивать родственников, заниматься похоронами и поминками...

Следующие пять дней Челищев помнил смутно, потому что все время пил и почти ничего не ел. Водка не давала привычного забытья и опьянения, она лишь на короткое время разжимала тиски в груди и затормаживала движения... Все «организационные моменты» взял на себя муж маминой сестры – дядя Слава, работавший сварщиком на Кировском заводе. Родственников вообще было много, но Сергей знал их не очень хорошо, потому что семья Челищевых по непонятным Сергею причинам предпочитала жить замкнуто, не идя на сближение с родными... Может быть, причина крылась в том, что Челищевы «поднялись» выше всех и родственники автоматически перешли в разряд «бедных»...

На кладбище, где уже несколько лет кряду, как знал Челищев, «мест не было», народу пришло много. Было много венков и еще больше – желающих их возложить. Были люди из мэрии, с комбината, даже из Москвы кое-кто приехал, из министерства... Челищев механически пожимал руки, слушал стандартные фразы соболезнования и еле сдерживался, чтобы не завывать в голос или не начать на глазах у всех глотать из горла джин «Бифитер», плоская бутылка которого лежала у него во внутреннем кармане пиджака. На Сергее был черный костюм, который когда-то был сшит для свадьбы с Натальей... Костюм жал, и Челищев чувствовал, что задыхается в нем...

Была на похоронах и Наталья, и Челищеву в какой-то момент вдруг захотелось броситься к ней, прижаться и заплакать, потому что представилась она ему единственной ниточкой, связывающей его с дорогими ему покойниками... Но Сергей пересилил себя, инстинктивно понимая, что делать этого нельзя, что горе когда-нибудь стихнет, а вот родными они с Натальей вряд ли станут... И Наталья, видимо, почувствовала, как сначала качнулся к ней

⁴ ОРБ – Оперативно-розыскное бюро – подразделение, занимавшееся борьбой с организованной преступностью. Позднее переименовано в РУОП – Региональное управление по борьбе с организованной преступностью.

Сергей, а потом оттолкнул ее взглядом, потому что, бросив горсть земли в могилу, быстро ушла и на поминки не осталась...

Долго говорили речи, перечисляли заслуги, ораторы требовали найти и наказать преступников и выражали уверенность в том, что это обязательно так и будет... И все это снимала на видеокамеру приехавшая на похороны бригада из информационной телепрограммы «Факт», к которой Сергей вдруг ощутил неожиданную симпатию и сочувствие, потому что, кроме могильщиков, это были единственные люди, которые занимались здесь делом, а не отбывали положенное неприятное мероприятие...

Когда разошлись с поминок гости и родственники, Сергей, взяв оставшуюся водку, пошел к Игорю в мастерскую и там напился, видимо, до чертиков, потому что вместо Игоря начал вдруг видеть Олега и разговаривать с ним, а одна из гипсовых скульптур у Игоря в мастерской превратилась в Катю и стала куда-то Челищева звать, а он испугался этого и начал страшно кричать...

Очнулся Сергей, когда приехала вызванная Игорем врачаха-«похметолог» – из кооператива, останавливающего запой и снимающего последствия алкогольной интоксикации. Врачиха гладила Сергея по голове, переспрашивала что-то говорившего Игоря, вкатила Челищеву три укола и поставила капельницу в вену на руке... И тогда тиски в груди вдруг разжались, Сергей облегченно заплакал без слез и без всхлипов и провалился в спасительный глубокий черный сон...

Он спал почти двадцать часов, а когда проснулся, Игорь напоил его чаем, заставил съесть какие-то таблетки и предупредил, что водку пить Челищеву сейчас никак нельзя – после этих таблеток можно просто сдохнуть, а этой подлости Игорь Сергею никогда не простит...

Но Сергей уже «отошел», мысль о спиртном вызвала у него рвотные позывы и больше ничего, поэтому он только слабо улыбнулся Игорю и успокаивающе покивал головой.

А потом они пошли домой к Челищеву прибираться после поминок, а заодно обсудили проект надгробия, за которое Сергей уговорил Игоря взяться.

Уходя, Игорь внимательно посмотрел на Челищева и сказал:

– Очень тебя прошу, найди выход...

– Что-что? – не понял Сергей.

Игорь помялся и закончил:

– У тебя очень мощная энергия сидит внутри, Серега. Я же скульптор, я это чувствую. Она тебя прямо распирает всего, это на лице хорошо отражается, такие лица всегда лепить хочется. Если эта энергия направлена наружу куда-то, то человек такой может горы свернуть. Если она, как у тебя, внутри бьется, то может человека разрушить, сжечь... Тебе надо найти ей выход, дверь открыть... Только главное – найти верную дверь...

После того как Игорь ушел, Челищев долго сидел на кухне и курил, а потом взглянул в висевшее у мойки зеркало и чуть не вскрикнул: показалось, что смотрит на него из зеркала молодой Александр Владимирович, и точно так же падала ему на глаза рано поседевшая челка.

На седьмой день Челищеву, механически подбивавшему свою «бухгалтерию» в прокуратуре, позвонил Гоша Субботин и деловито сообщил:

– Серега, сегодня взяли одного парня с вашим «Филипсом». Давай, двигай в Смольнинское, его в тамошнем ИВС⁵ маринуют.

Сергей вскочил, сгреб все бумаги в сейф и, напяливая на ходу куртку, ткнулся в двери начальника отдела. Дверь была заперта, чему Челищев совершенно не удивился. Быстро прикинув в уме возможные варианты, он рванул в приемную Прохоренко. Болтавшая с кем-то по телефону Воронина моментально скруглила разговор, положила трубку и молча уставилась на Сергея испуганными глазами трепетной лани... После ухода Челищева из ее квартиры

⁵ ИВС – изолятор временного содержания.

в день, когда погибли его родители, между ним и Юлей не было произнесено ни слова. Челищеву не давала покоя мысль, что он трахался с этой роскошной телкой как раз тогда, когда убийца входил в его дом... Если бы он тогда поехал домой, если бы! Но, как говорил Андрей Румянцев, приятель и коллега Челищева: «Если б у бабки были хрен да борода, то был бы уже дедка...» Нет, Челищев был далек от того, чтобы в чем-то обвинить Юлю, считая ее в определенном смысле человеком Божиим, в смысле – убогим и безответным, но разговаривать с ней и видеть ее ему было неприятно.

– Отцы в «бункере»? – сухо спросил Воронину Челищев, и она молча закивала в ответ, продолжая испуганно таращиться на него.

– Понятно, очередное рабочее совещание, ни сна, ни отдыха, постоянно-непрерывно, углублять, расширять, мы все на страже... Вылезать будут, скажи моему, что я в Смольнинское поехал, объяснительную брать.

– Какую объяснительную? – пролепетала Юля.

– Просто объяснительную, он переспрашивать тебя не будет, – убежденно кинул через плечо, уже выходя из приемной, Сергей...

...Субботин ждал его у Смольнинского РУВД, нагло рассматривая проходящих мимо девушек. То, что он еще ни одну не остановил и не начал «клеить», свидетельствовало о его недолгом ожидании. Гоша, по его собственному выражению, был «похотлив, как карась», о чем всегда честно предупреждал свою очередную пассию, наивно думающую, что это такие «шутки ментовские». Разочарование всегда было горьким, Гоша говорил о себе чистую правду, а шутки у него были в основном «черные», непонятные гражданским лицам, не имеющим каждый день малоприятных дел с покойниками различной категории свежести...

– Ну что? – не здороваясь, спросил Субботина Сергей.

Гоша, сморщившись, закурил и, похмыкивая, начал рассказывать...

– Пока все не очень понятно... Доблестный патруль ГАИ задержал сегодня утром в автомобиле «ВАЗ-21083» цвета «мокрый асфальт» некоего гражданина Касатонova Михаила Ивановича, семидесятого года рождения, из Саранска. У гражданина Касатонova в машине были какая-то блядь и ваш магнитофон. Про магнитофон потом уже выяснили, а сначала – такое горе! – было выявлено полное отсутствие у Михаила Ивановича документов на машину и водительских прав и такое же полное, но присутствие вторичных признаков алкогольного опьянения, именуемых в просторечье похмельем... Откупиться гражданин Касатонов не мог, видимо, потому что всех денег при нем было – на пачку дешевых сигарет, вот его и начали обоснованно задерживать... Ну и потом уже красный магнитофон на заднем сиденье увидели (сержантик в наряде, видно, молодой попался, бдительный...). Ну и все. Как ни странно, Михаил Иванович был благополучно доставлен в камеру, где и сидит, по всей вероятности, сейчас...

– Машина в угоне?

Субботин пожал плечами:

– Самое смешное, что нет. На пенсионере каком-то висит, его сейчас отработывают.

– А что Касатонов говорит?

– Да ничего не говорит, потому что его, похоже, никто ни о чем еще серьезно не спрашивал... Как его в «аквариум» определили, зам по розыску сразу мне и отзвонил, весь такой напуганный, мол, нам вашего не надо, мы, мол, задержали – посадили, а работайте уже сами, мы люди крестьянские, можем что-то не так сделать, по слабоумию своему и бестолковости.

Сергей понимающе кивнул головой. Год назад все питерские опера хохотали над одним ухарем из Смольнинского розыска, «расколовшим» под тихую ночную грусть задержанного подозрительного гражданина без документов, позже оказавшегося профессором биологии, но очень похожего по приметам на убийцу-маньяка. Профессор, по счастью, оказался своим парнем, ему оплатили из «оперативных» вставление пластмассового зуба взамен неожиданно выпавшего ночью в Смольнинском РУВД, и дела он возбуждать не стал, но скандал все равно

был большой. Говорят, в Смольнинское нагрянул сам Иванынин, начальник питерского УУР⁶, и орал на весь личный состав матерно, рекомендуя «сыщикам херовым» не заниматься херней, раз уж все равно головы нет, а руки из жопы растут. С тех пор, надо и не надо, Смольнинский розыск по любым мелочам названивал в главк. «Это ненадолго, – смеялись в ГУВД. – До прямого устного указания продолжать заниматься херней и не мешать всем остальным работать».

– Ну что, Серега, пошли знакомиться с гражданином Касатоновым.

Гоша затоптал окурки, и они с Челищевым вошли в унылое помещение дежурной части...

Касатонина уже два часа «разминал» смольнинский опер Валера Чернов. Основной целью «разминок» было вымотать допрашиваемого, утомить его повторяющимися малозначительными вопросами типа: «Где родился, с кем живешь, с кем дружишь?» Когда Челищев и Субботин вошли в маленький кабинетик, заполненный сизыми клубами сигаретного дыма, выражения лиц у Чернова и Касатонина были похожи – своей легкой одурелостью и усталостью друг от друга.

Гражданин Касатонин оказался типичным раскоченным до предела представителем «нового поколения», со всеми положенными атрибутами быка⁷ низшего бандитского звена: стрижка под американского сержанта, тайваньского пошива «пума», самопальная кожаная куртка...

Челищеву сразу не понравилось проступающее сквозь похмельно-допросную усталость выражение детской безмятежности на лице Касатонина – не характерна была такая безмятежность для задержанного милицией субъекта, на котором предположительно двойная мокруха висит.

Чернов, предложив Субботину стул за свободным столом, а Челищеву – напротив быка, сказал, обращаясь к Гоше:

– Выясняется, что приятель в школе учился плохо. Врать и то не умеет, память слабая, чем на неделе занимался – вспомнить не может. Или не хочется вспоминать, а? – повернулся к Касатонину опер.

Касатонин нервно зевнул и ответил без выражения:

– Я уже сказал, в натуре... На дискотеке в «Пулковской» гулял.

– Юморной парень, – снова повернулся к Субботину Чернов. – Сейчас я тоже всех развешу, когда скажу, что в «Пулковской» уже десять дней никаких дискотек нет – мы проверяли, у них там профилактический ремонт какой-то...

Субботин подхватил эстафетную палочку и с ходу включился:

– А мы любим веселых людей, – и без паузы спросил: – Тачка чья?

Касатонин встрепнулся и степенно ответил:

– Моя «банка», отвечаю...

Субботин с нажимом в голосе задал новый вопрос:

– Где документы на машину, а?

– У телки дома в сумке забыл...

– Адрес телки? – почти без вопросительной интонации бросил Чернов.

– Адрес... Не знаю. Не запомнил... Что я, все помнить должен?! – с усиливающимся раздражением в голосе ответил бык. Ему теперь приходилось вертеть головой от Субботина к Чернову, от Чернова к Челищеву – этот «пинг-понг» заметно выводил его из себя.

– Магнитофон чей? – бесцветным голосом спросил Сергей.

– Мой, отвечаю. Из Саранска привез месяц назад...

В «карусели» наступила пауза, все задвигали стульями, закурили. Субботин, вроде как утративший интерес к быку, спросил Чернова:

⁶ УУР – управление уголовного розыска.

⁷ Бык – член банды (*жарг.*).

– «Следачке» звонил?

Чернов кивнул:

– 122-я согласована, ажур!

Гоша затаился сигаретой, встал и, вроде как прощаясь, ласково сказал Касатонову:

– Отдыхай пока, парень. Шутишь плохо, не смешно совсем. Вещь, – Субботин кивнул на магнитофон, – с двойного убийства, расстрельная статья, кстати. Ладно, пошли, Сергей Саныч, утро вечера мудренее.

Касатонов заерзал на стуле и с испугом и удивлением заговорил торопливо вслед уходящим Субботину и Челищеву:

– Вы че, я, бля, в натуре, на дискотеке гулял, не убивал никого, какие убийства?..

Чернов ловко пристегнул наручником Касатонова к батарее и выскочил вслед за гостями в коридор. Субботин, морщась от рези в глазах, спросил:

– Машины-то хозяина установили?

– Установили, – кивнул Чернов. – Даже побеседовали с ним. Старик этот, дядя Гриша, – полный мудака и маразматик, хотя и ветеран. Он уже столько доверенностей на эту тачку понавыписывал, что и не помнит, кому их давал. «Меня просили, я и давал, а к нотариусу они меня сами привозили...» – и большего от него добиться трудно. Твердит, как попугай, что претензий ни к кому не имеет...

– Понятно, – многозначительно протянул Гоша, думая о чем-то своем. – Так завтра «следачка» во сколько будет?

– К десяти, – Чернов зачем-то посмотрел на часы.

– Ну вот и мы к тому времени завалимся. Юморист посообразительнее станет, подергается, прогреется... И расколется как сука, никуда не денется... «Развалим» мы Михаил Ивановича до самой жопы, у меня предчувствие такое есть...

Субботин довольно подмигнул Челищеву, который задумчиво покивал головой в ответ. Гошино удовлетворение Сергеем не передалось. Не верилось ему, что Касатонов, этот «бройлёрный кабан», имел какое-то отношение к убийству его родителей. Уж больно спокойно он держался на допросе. Но тогда зачем он явно врет про магнитофон?

«Ничего, ночь „попарится“ Михаил Иванович, поумнеет, а утром мы все спокойно выясним», – успокоил себя мысленно Сергей. Он и представить себе не мог, что никакого покоя завтрашний день не принесет, и вместо ответов на старые вопросы он получит новые...

Те, кому довелось провести хотя бы одну ночь в ИВС Смольнинского РУВД, могут засвидетельствовать, что заведение это сильно отличается от санатория. Причем в худшую сторону. Удобств минимум, атмосфера вонючая, потому что от «постояльцев» редко пахнет французским парфюмом...

Из помещения дежурной части доносились какие-то голоса, смех и монотонное бормотание переносного телевизора, который работал в дежурке, несмотря на все запреты и инструкции. Миша Касатонов, в недавнем прошлом спортсмен, подающий надежды, а ныне – обычный рядовой бандит, никак не мог уснуть, ворочаясь на жестких нарах. Мишу терзали два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Мише было страшно и мутно, и он как заведенный шептал в темноту: «Во бляди, в блудняк втравили», – и скрипел зубами от тоски, потому как понимал, что в блудняк себя втравил он сам...

Прошлым вечером на хату, где кроме Касатонова ночевали еще три быка, ввалился совершенно пьяный Костя-Молоток с какой-то малолеткой. Молоток был бандитом постарше и всякий раз не забывал это подчеркнуть перед салагами типа Касатонова, недавно пришедшими в организацию, у которых еще не было ни заслуг, ни денег, ни даже закрепившейся клички... Молоток вроде как бы «курировал» молодых рекрутов, хотя воспитателем он был плохим и, говоря молодым быкам о строжайшей дисциплине и полном запрете пьянства в орга-

низации, сам неоднократно нажирался как скот в съемной хате молодых, за что неоднократно вздывался своими начальниками.

В этот вечер Костя был вовсе не в себе, и Касатонову показалось, что он не только пьян, но и ширнутый⁸. И девка – совсем молоденькая – была такая же «двинутая». Косте было вовсе невесело, его лихорадило, он быстро начал что-то говорить про злую судьбу, запричитал, затем позвал Мишиного соседа по комнате и предложил «расписать» малолетку на двоих. Малолетка не сопротивлялась и, похоже, не очень понимала, где она и что с ней делают... Касатонов помялся перед приоткрытой дверью в комнату, где вовсю уже шло «порево». Мише нужно было передать Молотку, что его уже который день искал Винт – бригадир и самый большой начальник в организации, кого знал Касатонов, но, похоже, Костя все равно бы ничего сейчас не воспринял. А потому Касатонов на кухне позвонил по оставленному Винтом телефону и вытащил из Костиной куртки, валявшейся на полу в прихожей, ключи от «восьмерки», которая хоть и считалась общей, но на самом деле была практически постоянно узурпирована Молотком. Мише очень давно хотелось оторваться на «восьмерке» с Веркой, недавней подружкой, работавшей в «подотчетном» ночном ларьке...

Прихватив оставленный Молотком в свой прошлый визит (такой же пьяный и истеричный, как и нынешний) красный двухкассетный «Филипс», Миша задержался у двери в комнату, где малолетка громко стонала от удовольствия, получаемого одновременно спереди и сзади.

– Костя, я, это, машину возьму ненадолго... Моя очередь вроде, да и вам без нее сейчас кайфово, – негромко, скорее для самого себя, чем для братанов, проговорил Касатонов. Посчитав доносящиеся из комнаты стоны и урчание, перемежающиеся матом, сигналами согласия, Касатонов тихонько прикрыл за собой дверь и застучал кроссовками вниз по лестнице...

Вспоминая все это на жестких нарах ИВС, Касатонов скрипел зубами от тоски.

Потом он вспомнил, как Винт рассказал, что братву в беде, и особенно в тюрьме, не бросают, и стал рисовать в уме разные приятные картинки «отмазки», побега и прочей романтической ерунды. С этими картинками в голове Миша и задремал. И не слышал, как в ИВС ввели нового «постояльца», который после того, как за ним закрылась дверь, помедлил немного, привыкая к темноте, а потом направился прямо к Мишкиным нарам. Новенький был мужик лет тридцати – худощавый, с плавными движениями и хищными тенями на рубленом лице.

– Эй, подъем! – негромко сказал худощавый, тряся Касатонина за плечо.

– А... что? А? – Миша никак не мог оторваться от сна и испуганно таращился на незнакомца. – Чево?

– Слушай сюда! Ты – Касатонов Михаил Иванович?

– Да, а че?

– Ты наследил, парень! Напачкал! Убрать за собой надо. Подтереть. Без дергатни, спокойно! Винта знаешь? Сделаешь как надо – вытащим...

– Чево-чево сделаешь? – все еще не понимал Касатонов, но в голосе его уже слышалась безнадежная тоска. – Я же не делал ничего!

– А кто ключи от «восьмерки» взял? Сами в руку прыгнули? Слышь, Винт сказал – взять на себя... Вытащим потом, баксами получишь. Девочкам целочки ломать будешь...

– Это же не я, это Костя...

– Костя твой – баран, уже рыбок кормит, – зло оборвал худощавый. – Ты слушай, что делать надо, да запоминай крепче! Второй раз за ради такого красавца никому сто двадцать втроем цеплять на себя неохота! Слушай сюда...

⁸ Ширнутый – находящийся под наркотиком (*жарг.*). Ширево – наркотик (*жарг.*).

И художавый начал шептать что-то в самое ухо Касатонова, которому казалось, что он просто видит какой-то кошмарный сон и нужно лишь чуть-чуть напрячься, чтобы проснуться...

Но художавый все шептал и шептал в ухо Мише, сидевшему молча, хоть и хотелось ему кричать в голос.

– А если не получится? – спросил Касатов, заранее зная ответ.

– А не получится – ответишь! Так что лучше – чтобы получилось, корешок... Для тебя лучше...

На следующий день Валера Чернов принял «покаянку» у Касатонова. Миша «раскололся» с раннего утра, и ликующий Валера только успевал записывать: «Я, Касатов Михаил Иванович, добровольно сообщаю органам милиции следующее, о чем прошу учесть при назначении мне наказания: ...августа 1992 года я решил совершить квартирную кражу по адресу... так как мне было известно от знакомого по имени Исмаил, что в квартире много антикварных изделий. Когда я путем подбора ключей открыл дверь квартиры и вошел в нее, на меня неожиданно кинулся хозяин. Обороняясь, я три раза ударил его ножом, который у меня был с собой, в область туловища. Удары я наносил сверху вниз. Как убивал хозяйку – помню плохо, потому что очень испугался. Убегая, схватил магнитофон „Филипс“, потому что в тот момент не имел средств к существованию. Магнитофон я хотел продать. Орудие преступления (нож) в тот же день я выкинул в Неву... Могу показать, как все происходило, непосредственно на месте преступления...»

Челищев узнал обо всем этом от Субботина, который позвонил ему с утра в прокуратуру. Гоша, похоже, считал, что все закончилось, и несколько удивился ноткам недоверия в голосе Сергея. Челищев предложил Гоше съездить вдвоем в Смольнинское и еще раз «покрутить» Касатонова, на что Субботин, хмыкнув, ответил: «Старик, так уже все, в принципе, ясно... Завтра „уличная“⁹, нюансы сами доработаете... А у нас сейчас запарка небольшая, похоже, „серия“ пошла... Ты извини, я, если, конечно, очень надо, подъеду, но...»

В общем, ни Челищев, ни Субботин Касатонова перед следственным экспериментом увидеть не смогли... Сергея дернул к себе начальник отдела и долго и нудно выяснял причины задержки дела об убийстве сторожа фирмы «Криста», и Сергей так же долго и нудно что-то врал, потому что, по правде говоря, причина задержки была только одна – Сергею заниматься этим делом было просто некогда, да и неохота.

Перед концом рабочего дня Челищев заскочил к Марии Сергеевне Плоткиной, предпенсионного возраста «следачке», получившей в производство дело об убийстве Челищевых. Сергей оставил ей комплект ключей от квартиры, сказав, что тоже постарается успеть к началу «уличной».

– Не возражаете, Мария Сергеевна?

– Ну что вы, Сереженька, конечно... Я все понимаю. – Плоткина всегда «все понимала» и редко возражала кому бы то ни было. Мыслями она давно была на пенсии и досиживала в прокуратуре последние месяцы.

Говорили, что когда-то Мария Сергеевна была хорошим профессионалом, но это было давно. Сейчас главной страстью Плоткиной стало вязание спицами по образцам из журнала «Бурда моден». Это знали все в прокуратуре, но закрывали на это глаза. Все понимали – возраст. Сергей тоже все понимал. Не понимал он только одного – почему дело об убийстве его родителей «расписали» Марии Сергеевне, которая последние три года получала только самые простые или, как говорил Андрюха Румянцев, адаптированные дела.

⁹ «Уличная» – следственный эксперимент (жарг.).

К началу «уличной» Челищев, конечно, опоздал. В прокуратуре ему пришлось срочно писать какие-то справки, неведомо зачем потребовавшиеся шефу «прямо сейчас, Сергей Саныч, не откладывая...»

У подъезда Челищевых сиротливо стояли замызганный «жигуленок» и такой же замызганный «воронок». Две старушки с собачками, оживленно обсуждавшие новость – «убийца Челищевых привезли, рожа-то – злодейская», – тактично замолчали, увидев Сергея. На лестничной площадке второго этажа скучал прыщавый милиционер, одетый по моде участковых в коротковатые форменные брюки, не доходившие до верхнего края растоптанных ботинок...

Еще двое красавцев, которые, судя по всему, должны были перекрывать площадку четвертого этажа, курили на третьем – напротив двери Челищевых. Одного из них Сергей узнал – в день убийства он ходил по квартире и приговаривал: «Живут же люди...»

В квартире снова было полно народу. Мария Сергеевна с неизменно добрым лицом что-то писала. Сияющий, как медный таз, гордый собой, Валера Чернов что-то говорил двум несчастного вида понатым, постоянно приговаривая «под Жеглова»: «Значится, так!»

Седовласый специалист-криминалист в потертой кожаной куртке что-то проверял в видеокамере...

Миша Касатонов был пристегнут за руку к худенькому сержанту в огромной фуражке. Миша был очень бледен и постоянно слизывал пот с верхней губы.

– Касатонов, покажите еще раз, как вы наносили удары, – ласковым голосом сказала Плоткина, кивнув Сергею. – Коля, зайди, пожалуйста.

Участковый Коля с готовностью стал изображать Челищева-старшего. Наверное, он в этот момент думал, что в нем погиб великий артист. А может, думал, что еще не погиб.

– Я испугался, – заговорил Касатонов, – хотел бежать, но мужик схватил меня за горло, и я, обороняясь...

Сергея затрясло, и он сел на диван, доставая сигарету.

– Володя, снимай! – ласково повернулась Плоткина к криминалисту.

– Покажите, как вы наносили удары.

– Ну вот так примерно, – Касатонов махнул правой рукой, прикованной к левой руке сержанта, и замер. Вдвоем они стали напоминать известную скульптуру Мухиной «Рабочий и колхозница».

– Сверху вниз? – уточнила Плоткина.

– Да, – трясущимися губами прошептал Касатонов. – Показать трудно – рука закована...

– Момент, – метнулся к Касатову с сержантиком Чернов. – Я мигом, Мария Сергеевна...

Суежливыми движениями Валера отстегнул Касатонина от сержанта.

– Так как вы били?

– Вот так... – Касатонов махнул рукой сверху вниз, в грудь важного участкового Коли.

Все движения Касатонина были какими-то замедленными, казалось, он о чем-то лихорадочно думал, и Сергей вдруг забеспокоился.

– Покажите еще раз, как? – не отрывая глаз от бумаг, переспросила Плоткина.

– Вот так!

Участковый Коля, казалось, просто сломался от страшного удара ребром ладони в горло. Чернов, получив «вертушку» в голову, падал с не успевшей сойти с лица улыбкой. Криминалист Володя непонятно каким образом отлетел в дальний угол комнаты вместе с видеокамерой, а у ног Касатонина, держась за живот, скулил сержантик, на голове которого каким-то чудом продолжала держаться фуражка. Плоткина подняла от бумаг непонимающий взгляд.

– Ты че, блядь, де... – Второй участковый, решивший заглянуть в квартиру на шум, не договорил, вышвырнутый ударом входной двери на лестничную площадку.

– Не стрелять! – истошно заорал Челищев, проскакивая мимо понятых, превратившихся в экспонаты музея восковых фигур, и перепрыгивая через блюющего на пол сержантика...

Касатонов сначала рванулся было вниз, но на площадке второго этажа щелкнул затвором бледный от решимости милиционер. Тогда Касатонов ринулся вверх: «Чердаком уйду!» Он поступал, не думая. Повинуясь приказам могучего инстинкта самосохранения, он бросился вверх, к люку на крышу.

– Не стрелять! – орал Челищев, выскакивая на лестницу.

– Стой, сука! – захрипел участковый, лежавший на лестничной площадке, пытаясь достать пистолет из-под плаща.

Челищев, задыхаясь, бежал за Касатоновым, который уже перелезал через решетку, отделяющую последнюю площадку от остальной лестницы. Люк на крышу был открыт.

– Стой!

– Отсосите, пидоры! – визгливо выдохнул Касатонов.

Тут снизу гулко ударили два выстрела.

Миша замер на решетке, будто задумавшись о чем-то, а потом разжал пальцы и упал в пролет...

Челищев помчался вниз, мимо открывающихся дверей, в которых белели испуганные лица соседей.

Касатонов был еще жив, и ему было очень больно. Он дергался и всхлипывал, лежа на спине, и стонал тоненьким мальчишеским голосом:

– Мама, ой, больно как, мамочка!..

– Сейчас, Миша, сейчас, – бормотал Челищев, опускаясь на пол рядом с Касатоновым и подхватывая его голову рукой. – Сейчас доктор приедет, ты что же это натворил...

– Не прие... – Миша забился, застонал на руках Челищева и угасающим голосом прошептал, отчаянно тараща мутнеющие глаза: – Я не... не убивал... я даже не...

Потом Миша дернулся и затих, а Челищев все сидел и придерживал его голову, пока сверху не приковывал Валера Чернов с пистолетом в руке:

– Сергей Саныч?! А?! Как же это? Но – он сам... Мы все по инструкции... А?!

Челищев медленно встал с пола и посмотрел на кровь Касатонова на своих руках. Потом глянул на растерянное лицо Чернова и коротко презрительно бросил:

– Тебе, Валера, не в ментовке работать, тебе коров пасти надо!

Второй час Сергей пытался сосредоточиться на формуле обвинения по делу сторожа фирмы «Криста», злодейски убитого приятелями-собутельниками во время ночного дежурства. Несмотря на то что в деле со сторожем-алкоголиком все было предельно ясно, Челищев с трудом печатал каждую строчку по пять минут. Мыслями он постоянно возвращался к погибшему Касатонову и его последней фразе: «Я не убивал». К тому же Миша показывал, что бил ножом сверху, а Субботин, видевший трупы, сказал, что отца ударили ножом снизу... Что-то не складывалось во всей этой истории, и это «что-то» не давало Сергею покоя.

Оставив в машинке лист с недопечатанным обвинением, Сергей толкнулся в дверь шефа. Дверь была заперта. Челищев прошел в приемную прокурора и хмуро спросил Воронину:

– В бункере?

– Да, – Юлия полупривстала со стула навстречу Челищеву. – Совещание.

– Мой выйдет, скажи, что я к судмедэксперту поехал...

Поехал Челищев, как обычно, «одиннадцатым» маршрутом – то есть общественным транспортом и пешком.

К экспертам ездить Сергей не любил, потому что запахи в этом заведении были не для слабонервных... В канцелярии Челищев взял материалы по своему сторожу и толкнулся в кабинетик Антоши Худово, судмедэксперта, который проводил вскрытие трупов Челищевых.

Антоша был на очередном вскрытии, и в кабинетике сидели только две молоденькие лаборантки, аппетитно уплетавшие бутерброды с вареной колбасой.

Ждать Антошу с ними Челищев не захотел и вышел в коридор. Пока он был в кабинете, в коридор успели внести носилки с очередным трупом, прикрытым простыней.

Сергей задумчиво уставился на носилки.

– Хороша красotka? – пьяненький санитар, хохотнув, отдернул простыню.

Девушка, лежавшая на носилках, и впрямь, видно, была при жизни красива. Краски лица еще не успели потускнеть. У левого соска чернело небольшое пулевое отверстие...

– С «черными» трахалась девочка, – икнув, прокомментировал санитар, – ну и попала под разборку. А хороша...

И санитар чмокнул губами.

Челищев подавил желание выругаться и отошел к окну, доставая сигарету. Что толку срывать раздражение на санитаре? Они – люди убогие, работающие не за страх, а за спирт...

– Давно ждешь?

Сергея хлопнул по плечу Антоша Худово. Худово был всего несколькими годами старше Челищева, но выглядел глубоким стариком. Каждодневные неумеренные дозы спирта делали свое дело. Но алкоголиком Худово себя не считал, заявляя, что «алкоголики – это когда деградация личности. А я еще вполне функционирую».

– Антоша, – сказал Сергей, – я насчет заключения по моим...

– Да, да... – горестно кивнул Худово. – В принципе готово, но я еще не отпечатал, у нас тут – сам видишь, каждый день «клиенты» новые... Как будто живыми в очередях не настоялись.

– Мне не нужно отпечатанное, мне только узнать, как наносились удары. Просто для себя.

– Ну это пожалуйста. Пошли ко мне. «Мерзавчика» примешь?

– Да нет, спасибо. И без того хреново.

– Ну как знаешь, как знаешь... – Антоша распахнул дверь в свой кабинет и распорядился: – Ларисочка, дозу!

Ларисочка, лаборантка с глазами сумасшедшей кошки, через которую, как говорили, прошел весь «убойный цех», заколыхала грудью, рискуя порвать халатик, и налила Худово рюмку спирту. Ларисочка все делала, колыхая грудью, и надо отметить, колыхать было чем...

Худово деловито «принял» и стал разгребать бумаги на своем столе, мурлыкая себе под нос: «Сейчас, сейчас мы их отыщем, сейчас, сейчас мы их найдем...»

– А... На, вот они... Ну так что тебя интересует?

– По отцу...

Сергей запнулся и поправился:

– По мужскому трупу... Куда были удары и как наносились?

Худово снова замурлыкал, читая свои каракули: «Удары, удары, удары...»

– А, вот: два проникающих ранения – одно в область живота, другое – смертельное, в левую сторону груди, а наносились они снизу вверх!

– Антоша, ты ничего не путаешь? Не наоборот?

Худово оскорбленно хрюкнул и дрыгнул мизинчиком в сторону рюмки. Последний жест предназначался Ларисочке, которая с готовностью налила «мерзавчика».

Худово возмущенно выпил спирт и зажевал колбасой.

– Ты меня просто обижаешь, старик... Не ожидал. На, если хочешь, прочитай сам!

Антоша протянул Челищеву листки со своими каракулями.

– Да нет, это лишнее, – ответил Челищев, вставая с табуретки. – Ладно, без обид. Поехал я.

– А может, «мерзавчик»? – легко простил Сергея Худово.

– Да, Сереженька, посиди с нами, – наваливаясь на плечо Челищева, проговорила Ларисочка. – Что ты сегодня такой злюка?

– В другой раз. Непременно. Пока.

Челищев осторожно усадил Ларисочку на стул (чтобы за пазухой у нее не расплескалось) и ушел из кабинета...

После разговора с Худово Сергей больше не сомневался в том, что покойный Миша Касатонов почти никакого отношения к убийству Челищевых не имел. Почти – потому что Миша был каким-то образом связан с теми, кто уговорил его взять вину на себя. А вот эти «кто-то» должны были знать, кто убивал и почему. Касатонов не мог оговорить себя просто так, ему могли передать приказ только те, кого он знал и боялся...

Кто они? Сергей закрыл глаза и попробовал представить себе этих людей, но подсознание рисовало только какие-то жуткие темные силуэты... Челищев вздохнул и снял телефонную трубку.

– Степа, привет, это Сергей Челищев... Да, спасибо... Давненько мы с тобой книжки не смотрели... Давай сегодня в восемнадцать ноль-ноль, на обычном месте... Лады!

Сергей звонил Степе Маркову, оперу из ОРБ. Марков учился на юрфаке двумя курсами позже Челищева. Нельзя сказать, чтобы они были большими приятелями, но знали друг друга хорошо. Они поддерживали взаимовыгодный контакт, изредка обмениваясь информацией. Пару раз Челищев кое-что подсказал Маркову. Один раз это «кое-что» спасло Степу от неприятности. Они встречались обычно у Финляндского вокзала, на книжных развалах. В принципе, особой необходимости в такой конспирации не было, но руководство каждого правоохранительного органа не особенно приветствует тесные внеслужебные контакты с людьми из другого ведомства. В каждой избушке есть не только свои погремущки, но и свои маленькие и большие тайны, которые вовсе ни к чему выносить из этих самых избушек. Поэтому Челищев и Марков встречались на книжных развалах как шпионы и постоянно шутили по этому поводу, понимая, что в каждой шутке – только доля шутки...

– Степа, мне нужно полностью прокинуть одного покойника. Убиенный был бандитом, из молодых. Как раз по вашему ведомству, – говорил Челищев Маркову, – разглядывавшему томик Чейза. – Мне нужно знать, из какой он группировки, кто там над ним стоял, ну и все такое прочее – как можно подробнее...

Марков оторвался от Чейза и посмотрел на Челищева.

– А покойничек питерский был?

– В том-то и дело, что нет... Из приехавших за счастьем. Притом недавно приехавших. Степан скривил нос и с сомнением покачал головой.

– Да, я понимаю, что вы не волшебники... Но вдруг? Это мне лично надо. Очень!

Марков вздохнул и прищурился:

– Разве что только для тебя!.. Попробую что-нибудь!

– Лады! Заметано! Заранее благодарю. Только пробуй, если можно, побыстрее... Я боюсь, и так времени слишком много потеряно...

Прошло еще несколько дней, и однажды после обеда к Сергею в кабинет заглянула баба Дуся, которая стрельнула у Челищева сигаретку и, затянувшись дымом, сказала:

– Машка-то Плоткина – дело в архив отписывает...

– Какое дело? – не сразу понял Сергей.

Баба Дуся вздохнула, покачала головой и ушла.

Сергей, конечно, уже понял, что в архив списывают дело об убийстве Челищевых – как раскрытое. Убийца – Касатонов – был пойман, вину признал и погиб во время попытки

к бегству. А расхождения в его показаниях с данными экспертизы? Кто с этим будет возиться, кто обратит на это внимание?

Понимая все это, Челищев все-таки пошел к Плоткиной.

Мария Сергеевна что-то писала и радостно, по-доброму, заулыбалась Сергею.

– Заходите, Сереженька, садитесь...

Садиться Челищев не стал. С иронией посмотрев на Плоткину, он зло спросил:

– В архив, значит? – и кивнул на нетолстую папку.

– А что? Дело раскрытое, ясное... Есть, конечно, кое-какие огрехи, но – где их нет?

– Угу... Раскрытое, значит... А можно мне дело полистать немного?! – протянул было руку к папке Сергей, но Плоткина накрыла ее своей рукой.

– Сергей Александрович, я понимаю, погибли близкие вам люди... Когда могла, я шла вам навстречу... Ничего хорошего из этого, как видно, не вышло... Я позволила вам быть на эксперименте – а ведь это после вашего прихода Касатонов вдруг решился на побег...

– Что?! – оторопел Челищев.

А Плоткина вдруг посмотрела на него холодно, без всякой пенсионной доброты в глазах:

– Вам что-то не нравится, Сергей Александрович?

Сергей постоял немного, дергая щекой, и кивнул:

– Да, Мария Сергеевна. Мне все не нравится!

И шарахнул дверь кабинета Плоткиной.

Вызов к Прохоренко не заставил себя долго ждать. К Челищеву прибежала взволнованная Воронина и, испуганно тараща круглые глаза, пролепетала:

– Сережа, тебя к шефу... – Юля понизила голос и добавила: – Злой, как черт! Ты что, натворил что-нибудь?

Сергей смял окурок в пепельнице и буркнул:

– Нет, только собираюсь натворить... Сейчас буду.

Николай Степанович разгуливал по своему кабинету со скоростью, явно превышающей скорость его обычно плавной степенной походки. Руки Челищеву на этот раз он не подал и сесть не предложил.

Челищев молчал, предпочитая, чтобы разговор начал Прохоренко. «Ишь ты, какие мы сердитые-то... Ну давай, Козявочник, начинай меня прорабатывать. С чего начнешь? Не иначе как со сторожа-упокойничка...» – усмехнулся про себя Сергей.

– Сергей Александрович! – словно угадав его мысли, развернулся к Челищеву Прохоренко. – Что у вас со сторожем «Кристы»? Почему затягиваете? Вам по срокам уже давно пора на 201-ю выходить, но вы, видимо, заняты более важными делами, и на вашу непосредственную работу времени не остается... Мне непонятно, почему вы занимаетесь личными вопросами в ущерб служебным?!

Челищев, подавляя поднимающееся раздражение, ответил:

– Я не личными делами занимаюсь...

Но Прохоренко, поднимая тон, перебил его:

– Вы не в частной лавочке работаете, Челищев! Если вам частным сыском заниматься хочется – пожалуйста, никто не держит! Лицензию получайте – и вперед! Но и тогда вам никто не даст права оскорблять наших заслуженных работников. Мария Сергеевна не заслужила хамства от вас, который вдвое младше ее по возрасту! Да она в прокуратуре работала, когда вас еще на свете не было! Плоткина душой за дело болеет, и мы никому не позволим так с ней обращаться!

– «Так» – это как? – спросил Челищев, но Прохоренко продолжал свою гневную речь, не обратив на реплику Сергея никакого внимания:

– Впрочем, вы не только с нашими сотрудниками конфликтуете, но и оскорбляете представителей других ведомств, поднадзорных нам, что вдвойне безнравственно.

– Кого это я оскорбляю?

– Чернов, которого вы незаслуженно облили грязью, прилюдно причем, с отличием закончил школу милиции, этот офицер на хорошем счету, и вам никто не...

Кровь бросилась в голову Сергею, когда он вспомнил жалкое лицо Чернова, ковылявшего с пистолетом к остывающему телу Касатонova... Уже не очень отдавая себе отчет в последствиях, Челищев хрипло спросил, как выплюнул:

– Что с делом Челищевых делать будете? В архив прятать?!

Николай Степанович словно поперхнулся, побагровел и рявкнул:

– Вы забываетесь, Челищев!

Сергей сдавленным голосом, чтобы не заорать от ненависти и злобы, прохрипел-прокаркал:

– Это вы, похоже, давно забыли, где работаете и для чего...

Прохоренко был уже не багрового, а какого-то нехорошего синеватого цвета.

– Ах ты... щенок! Не хочешь работать – никто не держит... Клади удостоверение на стол – и куда угодно!

Челищев внезапно успокоился и с интересом посмотрел на Прохоренко:

– А что это вы так занервничали, Николай Степанович? На «ты» перешли... Это у вас в Воронеже так принято?!

– Вон!!! – заорал Прохоренко и, тыча пальцем в стол, задышавшись, прохрипел: – Удостоверение...

Челищев молча достал удостоверение, раскрыл его и, завернув «блинчиком», швырнул на прокурорский стол. Потом развернулся и, уже стоя к Прохоренко спиной, услышал:

– Готовь дела к сдаче!

Совершенно спокойно Челищев вернулся к столу Николая Степановича, достал ключи от сейфа и аккуратно, не звякая, положил их на полированную поверхность.

Неслышно ступая по ковровой дорожке, Челищев дошел до двери, открыл ее, не взглянув на прокурора, аккуратно, без стука, прикрыл и, не глядя на Юлю в приемной, с ужасом смотревшую на него, пошел к себе в кабинет...

Увольнение много времени не заняло. За те несколько дней, пока Челищев сдавал дела, подписывал «бегунок» и расписывался в бухгалтерии, вокруг него образовался вакуум, как будто он заболел проказой. Как назло, не было даже Андрея Румянцева, уехавшего в Генеральную прокуратуру «пропихивать» дело о коррупции в мэрии. Звенящая пустота поселилась у Сергея в душе. Он ни о чем не жалел, но ему было, конечно, плохо, мутно.

Собрав вещи, он сидел в своем кабинете, прощаясь с ним, понимая, что уходит навсегда.

– Здравствуй, Сережа, – в кабинет вошла баба Дуся. – Собрался?

– Заходи, баб Дусь, – обрадовался Челищев. – Посошок со мной примешь?

– Наливай, с хорошим человеком грех не выпить...

Челищев налил по полстакана из начатой бутылки «Распутина».

Выпили молча, не чокаясь, как на поминках. Сергей сразу же разлил по стаканам остатки водки.

– Переживаешь? – спросила баба Дуся.

– Да как тебе сказать... – поднял взгляд Челищев и осекся.

Морщины у бабы Дуси разгладились, нелепый голубой платочек упал на плечи, обнажив густые седые волосы... На стуле сидела не уборщица, а интеллигентная мудрая женщина со скорбными, умными глазами.

– Не переживай, Сергей Александрович... Уходишь, и правильно делаешь... Еще бы немного здесь поработал, и перемололи бы тебя, как меня в свое время...

Баба Дуся выпила водку легко и красиво и четкими, уверенными движениями взяла сигарету...

– Я ведь не всю жизнь была «бабой Дусей» – уборщицей-алкоголичкой... Карьера у меня была совсем другая... «Важняком» закончила... «Важняка» за дело банды Толстопятова получила, в Ростове тогда сводная бригада работала... Красивое раскрытие было, Сереженька.

Челищев что-то смутно стал припоминать, удивленно глядя на сидевшую перед ним незнакомую женщину.

– А сломали меня уже потом, на «луковом деле»... Про него ты, конечно, слышал... Много народу через него прошло, много навсегда успокоилось... Братя Седюки завязаны там тоже были, но ушли, не успели мы...

Про «луковое дело» Челищев слышал. «Следаки» постарше, подвыпив, иногда рассказывали какие-то невероятные истории, что в начале восьмидесятых ковырнула питерская прокуратура по-настоящему «торговую мафию»... Тогда был большой дефицит лука, а по всем отчетам прошли сведения, что урожай лука пропал. На самом деле он был собран, но несколько эшелонов с луком исчезло. А потом партии репчатого лука стали вдруг появляться на рынках... Дело тогда замяли, потому что ниточки шли уже к очень крутым и серьезным людям.

– Не знаю, чего мне тогда не хватало. Умная ведь была уже, битая и стреляная. Меня сначала к ордену представили, когда дело еще только начиналось... Мне бы понять намек, да, видно, гордыня обуяла... Потом – автокатастрофа, какой-то пьяный водитель грузовика буквально растоптал нашу дежурную «Волгу»... Водителя того потом нашли повесившимся... Пока в больнице лежала – два раза «случайно» капельница у меня обрывалась, выкарабкалась чудом... Муж ушел... Потом – мне уже выписываться – сын, Алеша мой, в колхозе утонул... На картошке они были студентами. Он на курс старше тебя учился...

Пораженный Челищев вспомнил эту историю, они только поступили, и весь юрфак гудел про эту смерть, и вспомнил он даже фотографию в траурной рамке с объявлением о дне похорон – она висела на доске расписаний.

– Из прокуратуры я, конечно, ушла... Помыкалась немного юрисконсультком «Ленвторсырья», дошла до ручки – Галка-помойка меня на работу устраивала! Потом – пенсия... Дома сидеть не смогла, устроилась сюда вот уборщицей... Меня тут многие помнят, только вид делают, что не узнают. Да мне и не надо. Мне вообще уже мало что нужно в жизни...

Сергей смотрел на бабу Дусю и не мог поверить в то, что у старенькой уборщицы, оказывается, была такая страшная судьба.

– Так что беги отсюда, Сереженька, пока тебя не пережевали и не выплюнули. А ведь начали уже...

Водка, огромное нервное напряжение последних дней и страшноватый рассказ бабы Дуси сломали ледяную корку внутри. Взяв старую женщину за руку, он неожиданно для себя самого затрясся в рыданиях, выплескивая в теплую сильную ладонь свою боль, обиду, отчаяние и злость...

– Ничего, ничего, Сергей Саныч, – говорила баба Дуся, глядя его по волосам. – Все будет хорошо. Ты парень сильный и до конца еще нашей системой не изломанный... Оправишься, отойдешь... С горячки только глупостей не натвори... Один ты ничего не сможешь. Думай и не забывай оглядываться, считай на ход вперед.

– Я считаю, – как обиженный ребенок, буркнул в ладонь бабы Дуси Челищев, но та не дала ему поднять голову, продолжая гладить его по волосам.

– Ничего ты пока не считаешь... Считал бы, не стал бы Юльку Воронину трахать, шлюху валютную... – Челищев дернулся, но сильная рука не дала его голове подняться. – Молчи и слушай, сынок... Прохоренко Юльку никому просто так не отдаст, а сама она слишком крепко у него на «кукане» сидит, чтобы самодеятельность себе позволить... Ты не знаешь, из какого дерьма он ее вытащил... Вытащил – но в любой момент обратно толкнуть может. Они с Нико-

димовым ее только под самых нужных людей подкладывали, под таких милицейских начальников, по сравнению с которыми ты просто мальчик... Видно, и от тебя что-то срочно потребовалось... Или могло потребоваться... Считай, что родители твои своей смертью тебя из-под чего-то вывели, карты им смешали... Ты лежи, лежи, глаза закрой, расслабься, со мной можно, с другими нельзя... Куда уходишь-то?

– В адвокатуру ткнусь, – сквозь навалившуюся с непонятной силой дрему пробормотал Челищев.

– В адвокатуру, значит, – доносился до него уплывающий голос бабы Дуся. – Не сдался, значит, с другого конца зайти хочешь... Тебя с твоей репутацией в адвокатуру-то могут и не взять.

– Возьмут! – прошептал Челищев, засыпая.

– Может, и возьмут, – согласилась баба Дуся, рассеянно продолжая гладить Сергея по голове, – а не возьмут сразу, может, и я чем-нибудь тебе помогу. Передо мной в областной у кое-кого должки остались... Может, и пришла пора их отдавать...

Этого Челищев уже не слышал. Он уснул, и ему приснилась дорога в степи, уходящая за горизонт... Жарко, пить хочется Сергею, знает он, что за его спиной дом стоит, можно оглянуться, зайти в хату, воды попить, лечь отдохнуть, но словно голос какой-то в уши шепчет: «Не оглядывайся, не оборачивайся». Послушался Сергей голоса, пошел по дороге, не оборачиваясь, далеко ушел, потом на холм поднялся, где как раз дорога поворачивала, глянул назад, где дом стоял, откуда он на дорогу ступил, – а нет там дома, пепелище черное, тени какие-то серые движутся, словно за Сергеем в погоню кинуться хотят. Крикнул Челищев, побежал, но споткнулся и упал, с холма вниз покатился...

Челищев со стоном поднялся с пола. Во сне он упал со стула, сидя на котором уснул. Сколько он проспал? Челищев глянул на часы и удивился – всего-то полчаса, а выспался так, будто ночь целую без задних ног дрых. Вот только в горле у Сергея было суховато после водки, но голова была на удивление ясной. Его взгляд упал на полную бутылку минеральной воды, стоявшей на какой-то записке.

Челищев скovyрнул пробку о край стола и жадно глотал минералку, пока не выпил всю бутылку. Потом Сергей закурил и взял записку со стола. На клочке бумаги были написаны семь цифр и слово: «Позвони».

– Молодец, баба Дуся, спасибо. Позвоню обязательно, – пробормотал Челищев, пряча записку в карман. Потом он погасил в пепельнице сигарету, поднял сумку, огляделся в последний раз и, тряхнув волосами, вышел из кабинета...

Сергей думал, что покидает прокуратуру навсегда...

Часть II

Адвокат

Удостоверение адвоката Челищев получил довольно быстро. Шеф областной коллегии адвокатов Семен Борисович Ланкин, конечно, не был сильно обрадован визитом Сергея и просьбой взять его на работу.

– Не знаю, что и сказать вам, Сергей Александрович... – Ланкин растерянно бродил по кабинету, потирая холеные ладошки. – Согласитесь, с вашей репутацией – в адвокаты... Просто не знаю...

Репутация у Челищева в адвокатских кругах была действительно аховая. Адвокатов он не любил, не «договаривался» и вообще вел себя так, что быстро заработал себе не характерную для работников прокуратуры кличку Мент. Был бы на месте Ланкина другой человек – Челищев, возможно, просто не стал бы тратить время на бессмысленное обивание порогов. Но за Семеном Борисовичем был должок. Лет пять назад, когда Ланкин еще не возглавлял адвокатуру, Челищев на подсадке¹⁰ в «Крестах» во время одного допроса стал случайным свидетелем того, как Ланкин передал ширево своему клиенту. Клиента потом ошмонали контролеры, и Ланкину было бы очень плохо, если бы Челищев дал на него показания. Сергей этого делать не стал, пожалев смертельно перепуганного респектабельного адвоката. Ланкин, правда, тогда вроде как «отдарился», прислав без письма Челищеву огромную бутылку дорогого коньяка «Армения», который Сергеем был немедленно выпит с большим энтузиазмом в компании с Андреем Румянцевым. Однако Сергей справедливо полагал, что коньяк и возможный срок – вещи малосопоставимые, хотя бы по временному фактору воздействия на человеческий организм.

И вот теперь Семен Борисович, ломая ручки, метался по кабинету, пытаясь разрешить чудовищную дилемму: взять Мента в свой корпоративный и закрытый от случайных людей «междусобойчик» или расписаться в том, что он, Семен Борисович Ланкин, неблагодарная, не помнящая добра свинья.

– Просто не знаю, как вы сможете... э-э... влиться в коллектив... Вы меня, надеюсь, понимаете... Согласитесь, ваши э-э... совсем недавние взгляды и даже некоторые... э-э... поступки носили характер... э-э... юридического экстремизма... Вы меня понимаете?

Челищев все прекрасно понимал. Месяца три назад некий коллега Семена Борисовича настолько достал Сергея своей неугомонной активностью по выискиванию малейших нарушений формальностей в деле и опротестовыванием буквально каждого шага следствия, что Челищев однажды не выдержал и без свидетелей послал адвоката на три русские буквы, назвав еще при этом защитника «пидором»...

– К тому же я не уверен, что у нас для вас найдутся... э-э... клиенты, достойные вашей... э-э... бесспорно высокой юридической квалификации... Вы же не захотите братья за такие дела, как, например, кража колес из «Запорожца»...

– Захочу, – перебил Панкина Сергей. – Отчего же... Я как раз считаю, что начинать всегда нужно с малого... Опыта набраться, поучиться... Да, кстати, Семен Борисович, меня просила с оказией передать вам привет Евдокия Андреевна Кузнецова...

Ланкин дернулся и побледнел так, как будто вместо Сергея увидел перед собой вырвавшегося из ада вурдалака.

– Она... жива?!

¹⁰ Подсадка – ситуация, когда из-за недостатка помещений в одной комнате оказываются несколько адвокатов со своими последственными (*жарг.*).

– Да, вполне. – Сергей вежливо улыбнулся, а потом буквально повторил фразу, которую заставила его выучить наизусть баба Дуся: – Она часто вас вспоминает и бережно хранит ваши письма, которые ей очень дороги...

Ланкин рухнул в кресло и долго молчал, с ужасом глядя на Сергея. Потом он несколько раз судорожно вздохнул и наконец сказал:

– Спасибо... Я очень хорошо помню Евдокию Андреевну... Поклон ей от меня... А что касается вас – ну что же, давайте попробуем... Я думаю, что смогу убедить коллег... В конце концов, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними...

Вот так Сергей стал адвокатом, осуществив тем самым заветную мечту своей мамы. К сожалению, возрадоваться Марина Ильинична могла теперь разве что на небесах, в существование которых Сергей не очень верил...

Отношения с новыми коллегами у Челищева, конечно, не сложились. Он был для них чужаком, ментом, с непонятной целью влезшим в их вотчин у, на их территорию. Да Сергей и сам не стремился завязывать дружеские отношения с коллегами. Ему нужны были серьезные клиенты, завоевав доверие которых, Челищев надеялся продвинуться к разгадке страшной смерти своих родителей.

Но проработав в адвокатуре пару месяцев, Сергей понял, что его первоначальный план был по меньшей мере наивен. Никто не подпускал его к клиентам из числа серьезных городских «мафиози», имевших своих постоянных, проверенных адвокатов. На Челищева в адвокатуре сваливали всевозможное мелкоуголовное дерьмо, которое занимало уйму времени, не давая взамен ни морального, ни материального удовлетворения. За два месяца Челищев не продвинулся в своем частном расследовании ни на сантиметр. А тут еще и Степу Маркова откомандировали в Москву на учебу.

Вечерами Сергей иногда встречался с Андрюхой Румянцевым, который рассказывал ему последние прокураторские новости. Но встречи эти становились все реже, потому что общих тем у недавних коллег и соратников было все меньше и меньше. К тому же Сергей быстро понял, что Андрей, не говоря об этом открыто, был вовсе не в восторге от поддержания отношений с тем, кто в прокуратуре предан анафеме.

Оставаясь ночью один в пустой квартире, Сергей мучился от бессонницы, смоя в темноте сигарету за сигаретой, с трудом подавляя настойчивое желание выпить...

Так продолжалось до середины ноября, и Челищев все чаще задавал себе вопрос: «Зачем?» Вопрос был глобальным и жутковатым: зачем он ушел из прокуратуры, зачем пришел в адвокатуру и вообще зачем все это продолжать?..

Однажды во второй половине дня, мучая себя бесконечными «зачем», Челищев пошел в «Кресты» на встречу с очередным клиентом – придурком-слесарем, который на общей пьянке трахнул жену приятеля, а когда та, увидев очухавшегося от портвейна мужа, заорала: «Насилуют!» – неожиданно проломил рогатому дружку голову бутылкой. Предыдущий разговор со слесарем чуть не свел Челищева с ума, потому что «насильник» мыслил с трудом, постоянно хватал Сергея за рукав и возмущенно повторял:

– Не, а че они, как эти?..

С тоской ожидая клиента, Челищев медленно прогуливался взад-вперед по допросному коридору «Крестов». Из третьей по правой стене комнаты для допросов тетка-контролер вывела здорового парня в длинной кожаной куртке. Его чуть ссутуленная спина и коротко стриженный затылок вдруг что-то напомнили Сергею, заставив его сделать шаг вперед. Все еще не узнавая конвоируемого, Челищев тем не менее почувствовал, как сердце лихорадочно заколотилось о ребра, выплеснув в кровь огромное количество адреналина. Ладони у Сергея стали влажными, и в этот момент стриженный оглянулся... Когда их глаза встретились, Челищеву показалось, что сердце у него остановилось, потому что на него смотрел своими зеленоватыми

глазами Олег Званцев... Казалось, все замерло в тюрьме, как в заколдованном царстве, время остановилось, а Сергей и Олег все смотрели, не отрываясь, друг на друга. Некрасивая контролерша подтолкнула Олега в спину, открыла «стакан»¹¹ и лязгнула замком. Время, остановившееся мгновение назад, вдруг понеслось с чудовищной быстротой, обгоняя обрывки мыслей, метавшихся в мозгу Челищева.

«Не может быть... Афган... Он погиб там восемь лет назад... Но это точно он... Олежка... И он меня тоже узнал... Афган... Не может быть... Почему он в тюрьме?»

Контролерша отошла к дежурке, и Сергей, пытаясь не ускорять шаг, подошел к «стакану», в котором, скорчившись, сидел стриженный... Челищев заглянул в окошечко и снова встретился глазами с Олегом... Да, это был он, изменившийся, с огрубевшими чертами лица и похолодевшими глазами, но он, Олежка Званцев, лучший друг, которого Челищев потерял восемь лет назад, оплакал и которого он до сих пор иногда видел во снах, потому что второго такого друга Сергей так и не встретил.

– Здорово, Серега! – Голос Олега доносился из «стакана» глухо, словно из могилы, как подумалось Челищеву, которому казалось, что он снова видит какой-то странный сон.

– Олежка... Ты жив?! – прошептал Челищев пересохшими губами.

Званцев скорее прочитал вопрос по губам, чем услышал, и угрюмо хмыкнул:

– Живой, как видишь!

Олег поморщился, словно от сдерживаемой боли, и на мгновение прикрыл глаза...

...Возможно, если бы тогда, осенью 1984 года в Баграме, младший сержант 345-го полка ВДВ Званцев не пошел на боевые вместе со своей ротой глубинной разведки – все бы в его жизни сложилось иначе... А может быть, и нет, да и что толку гадать: «Что было бы, если бы я не...» Званцеву до дембеля оставался месяц, и, в принципе, он мог бы отказаться от боевых, никто бы его не осудил, дембеля имели свои негласные преимущества, признаваемые почти безоговорочно всеми в «сороковой»¹² – и солдатами, и офицерами...

Но отказаться от крайних (в Афгане избегали прилагательного «последних») боевых было все-таки негоже... К тому же Гриша Ураков, также готовившийся к дембелю москвич, корешок Званцева, привел самый труднооспоримый довод:

– Слышь, бача¹³, пока до Асадабада дойдем, бакшиш подсобираем, дуканы потрясем... Чтoб не пустыми уходить в Союз... Слышь, Адвокат?

Адвокатом Званцева прозвали за его два курса юрфака. Олег сначала заводился на эту кличку, а потом привык, потому что клички были почти у всех, и «Адвокат» была еще не самая плохая...

Полтора года в Афганистане сильно изменили Олега. Кровь, жестокость, гипертрофированная грубость человеческих отношений на войне и чудовищная бессмысленность происходящего не сломали Званцева, но словно заморозили его изнутри.

Романтика «интернационализма» вылетела из головы в первый же месяц, после первого же сопровождения колонны по Салангу. Дальше все пошло еще быстрее: альтернатива была проста – либо принять жестокие и страшные законы войны, либо свихнуться или погибнуть. Слабонервные и добренькие гибли первыми. Званцев хотел вернуться.

Первый «дух», которого Олег замочил лично, словно отрезал Званцева от тех, кто остался в Союзе. То есть Олег, конечно, вспоминал и Сергея, и Катю, но они стремительно отдалялись от него. Катя вообще была неизвестно где, известно только, что устроилась она сытно со своим

¹¹ «Стакан» – камера (*жарг.*).

¹² «Сороковая» – 40-я армия, она же – ограниченный контингент советских Вооруженных сил в Афганистане.

¹³ Бача – парень (*дари*).

мужиком. Сергей... Через три месяца в Афгане Челищев казался Званцеву наивным ребенком, как и тот Олежка Званцев, который учился миллион лет назад на юрфаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.